

Глава 18. Сяо Юньлоу. Выжить

Проведя ночь впустую, они вдвоём вернулись в «Сяо Юньлоу», волоча усталые тела.

Проспав всю ночь на улице, Синь Синь был весь в комариных укусах и поту. Вернувшись, он сорвал марлевую повязку со лба и пластырь с шеи. Рана на лбу заживала не очень хорошо, синяк на шее тоже не сошёл, но Синь Синь не стал утруждать себя повторной обработкой и маскировкой.

Кое-как собравшись с силами, он принял холодный душ, зашёл в общежитие и направился напрямик к кровати. Свалившись на кровать, он с облегчением выдохнул.

— Пусть сейчас хоть сам Чжао Хунвэй явится, я не шелохнусь. — пробормотал Синь Синь.

Хэ Синьчуань откинул полог mosquitoной сетки, и тоже лёг.

— Разбуди меня через два часа.

Синь Синь повернулся к нему лицом.

Хэ Синьчуань лежал с закрытыми глазами, под которыми залегли тёмные круги.

Утром, когда Синь Синь проснулся, он обнаружил, что лежит на бёдрах Хэ Синьчуаня, а тот смотрел на него полуприкрытыми глазами и всё ещё держал его за руку.

Настоящий надёжный NPC.

Синь Синь достал телефон, глянул на время, и перевернулся на бок, лицом к Хэ Синьчуаню.

— Ладно, брат, спи спокойно, я посторожу тебя.

Хэ Синьчуань не ответил, возможно, уже заснул. Он был слишком измотан, после душа даже не побрился, на подбородке проступала тёмная щетина.

Синь Синь медленно моргал, в очередной раз начиная перебирать факты у себя в голове.

Сегодня уже пятое июля.

Большая часть времени, отведённого на задание, прошла.

Что было известно на данный момент:

Страховку Цао Янань порекомендовала купить медсестра Народной больницы Линь Цяо.

Линь Цяо любит рекомендовать купить, Зстраховку всем окружающим.

Медсестра, за которой подглядывал Сян Чэнь, — это Кун Мань, она работает в том же отделении, что и Линь Цяо.

Ши Тай ходил в страховую компанию консультироваться по страховке Цао Янань.

Ши Тай знает Цао Чжэнь, но притворяется, что не знает.

Между Чжао Хунвэем и Сян Чэнем существует какая-то связь, возможно, они владели одним вещественным доказательством.

После убийства Сян Чэня убийца спрятался в доме.

Убийца Сян Чэня и Чжао Хунвэя, скорее всего, один и тот же человек.

Хэ Сяохуэй заранее знал, где будет Цао Янань, и намеренно сбил её насмерть.

Девять пунктов, и неизвестно, сколько из них полезны, да и половина — всего лишь умозаключения.

В голове у Синь Синя была каша, словно он заблудился в лабиринте.

Наверняка существует какая-то упущенная им зацепка, какая-то ключевая информация — та самая ниточка в клубке, ухватившись за которую в лабиринте, можно быстро достичь выхода.

Но у него уже почти не осталось времени.

Синь Синь не мог избежать нарастающего беспокойства. Он какое-то время смотрел на профиль Хэ Синьчуаня, затем тихо вздохнул.

Если уж действительно придётся остаться, тогда стоит выучиться на повара — по крайней мере, зарплата будет повыше.

Синь Синь перевернулся на другую сторону.

Прежнюю кровать убрали, на полу остался голый цветочный горшок, несколько палочек

благовоний в нём давно прогорели, и на дне остался слой пепла.

Чьей же была эта гардения?

Сосед по комнате сказал, что это он её поставил.

Почему в памяти Цяо Вэньгуана об этом цветке нет ни намёка?

Может, это Чжао Хунвэй поставил его туда от его имени?

В голове Синь Синя мелькнула догадка. Неужели...

Синь Синь повернул голову, взглянул на Хэ Синьчуаня. Будить ли его сейчас, чтобы проверить вместе? Призраки становятся всё агрессивнее, одному ему страшно действовать наобум.

Хэ Синьчуань спал глубоким сном, на лице была видна усталость от бессонной ночи.

NPC — тоже человек, по крайней мере, в этом мире. Синь Синь мысленно вздохнул — пусть уж Хэ Синьчуань сначала отдохнёт, разберёмся, когда проснётся.

Синь Синь достал телефон, посмотрел на время — Хэ Синьчуань проспал меньше десяти минут.

Засунув телефон обратно под подушку, Синь Синь улёгся поудобнее, пальцы его быстро перебирали что-то в воздухе.

Невыразимое беспокойство расплзлось по груди. Ему стало жарко, и он включил вентилятор у кровати. Он включил вентилятор у кровати, но тот гнал лишь горячий воздух. Мотор заедал, и хриплый, скрежещущий звук сводил с ума.

Синь Синь потерпел немного, но становилось только жарче.

Перевернувшись пару раз, словно рыба на сковороде, Синь Синь не выдержал и стянул с себя тонкую футболку.

В тот же миг Синь Синь облегчённо выдохнул.

Теперь должно стать немного прохладнее.

Из-за жары стояла такая духота, что даже дышать было трудно.

Он запрокинул голову, расправил плечи, стараясь подставить ветру каждую частичку кожи.

— Жарко... — выдохнул он.

Синь Синь провёл рукой по груди — ладонь стала совсем мокрой от пота. Он оглянулся на Хэ Синьчуаня, тот крепко спал.

Синь Синь слез с кровати, в шлёпанцах побрёл в уборную, открыл кран и побрызгал на себя холодной водой, пытаясь остудиться.

Неужели у него жар?

Синь Синь тыльной стороной ладони потрогал лоб — тот и впрямь был очень горячим.

Возможно, он простудился, проспав прошлой ночью на улице.

Синь Синь вспомнил, что в прошлый раз Хэ Синьчуань принёс из аптеки кучу лекарств.

Местные аптеки работают кое-как, там есть любые препараты, даже рецептурные можно брать просто так. Поскольку у Синь Синя была рана на лбу, с риском воспаления, Хэ Синьчуань тогда взял жаропонижающие и противовоспалительные.

Синь Синь порылся под столом, нашёл белый полиэтиленовый пакет, достал жаропонижающее и хотел принять таблетку, но обнаружил, что в комнате нет воды.

Глотать таблетки всухую Синь Синь не умел. Взяв лекарство, он решил сходить в соседнюю комнату и попросить воды.

В соседней комнате тоже спали мёртвым сном. Синь Синь постучал дважды и, не получив ответа, ушёл.

Придётся спуститься вниз за водой.

Сжимая в руке блистер с таблетками и взяв стакан для зубной щётки, Синь Синь, пошатываясь, опираясь на стену, спустился вниз.

Жар был сильным, сознание начало затуманиваться, будто его поджаривали на огне.

Горло пересохло, в глазах кружилось, было так жарко, что он почти не мог дышать.

Кулер стоял на первом этаже рядом с розеткой от которой заряжался электроскутер Хэ Синьчуаня. Хозяин был жадным и боялся, что на втором этаже вода будет кончатся быстрее, вот и приходилось помучиться, чтобы напиться.

Синь Синь налил воды, принял лекарство, по всему телу сразу разлилась слабость, и он присел на корточки, стараясь дышать медленнее.

Со лба капал пот, стекая на рану, и вызывая жгучую, резкую боль.

Синь Синь поднял руку, вытер пот, и опустил взгляд на свои брюки.

Пропитавшись потом, светло-коричневые брюки потемнели.

Он вылил остатки воды из стакана на голову, встряхнулся, не разбирая, что летит вокруг — пот или вода.

Из-за сильного жара мозг тормозил, а голова неумолимо кружилась.

Умру.

Если так продолжиться, я умру от перегрева.

Синь Синь повернул голову.

Рядом стоял промышленный холодильник. Дверь не была заперта, и изнутри сочилась струйка прохлады.

Синь Синь не помнил, как он оказался перед холодильником, а когда осознал это, его рука уже была внутри.

Как прохладно.

Рука, оказавшаяся внутри, мгновенно испытала облегчение.

Леденящее дуновение, словно змеиный язык, лизало его обжигающе горячую кожу.

Так приятно.

Синь Синь левой рукой ухватился за дверцу холодильника, а правую изо всех сил протянул внутрь, так что вся правая часть груди уже оказалась в холодильнике. Он закрыл глаза, жадно

вдыхая прохладный воздух. Ледяной воздух проник в лёгкие, и жар наконец немного отступил.

Зайди.

Зайди внутрь — и станет лучше.

Твердил соблазнительный голос в голове Синь Синя.

Левая рука отпустила дверцу, и Синь Синь шагнул в холодильник.

Словно из ада он вдруг попал в рай.

Синь Синь тут же лёг на пол. Ледяная поверхность заставила кожу на его спине резко сжаться, краска, залившая лицо, медленно спала, но он, казалось, совсем этого не замечал. Закрыв глаза, он наслаждался с лёгкой улыбкой на губах.

Вскоре Синь Синь сбросил с себя и последнюю одежду, отдавшись каждым дюймом кожи приятной прохладе.

Худое обнажённое тело спокойно и безмятежно распласталось на холодном полу. Быстрое охлаждение заставило кожу вновь постепенно покрыться ярко-красными пятнами.

Синь Синь прикрыл глаза. Ему по-прежнему было очень жарко, мозг поплыл, а мыслительные процессы замедлились.

Всё словно опустело.

Его мир стал таким тихим и таким безграничным.

Цяо Вэньгуан исчез.

Задание исчезло.

Ничего не осталось, абсолютно ничего, лишь комфорт и покой, словно в утробе.

— Синь Синь.

Он услышал голос.

С лёгкими, чуть повышенными тонами, очень знакомый, настолько знакомый, что даже в бреду мог мгновенно вернуть его в сознание.

Это был его собственный голос.

Он сказал:

— Выживи.

Пальцы дёрнулись, словно от удара током. Синь Синь по-прежнему лежал с полуприкрытыми глазами, уставившись в белый потолок.

Сейчас он не чувствовал течения времени, не чувствовал биения сердца и дыхания; единственным оставшимся ощущением была бесконечная, невыносимая жара, от которой хотелось содрать с себя кожу.

Он медленно моргнул и всё вокруг слилось в ослепительную белизну. Моргнул ещё раз... и вдруг понял, что это на его ресницах мерцает иней.

Он пришёл в себя.

Он понимал, что это Чжао Хунвэй создал иллюзию, чтобы заманить его в холодильную камеру и вновь попытаться свести счёты с жизнью.

Сейчас было самое время подняться, выбежать наружу, разрушить иллюзию — и всё будет в порядке.

Но Синь Синь по-прежнему лежал неподвижно.

Он ждал.

Ждал ту самую ниточку.

Едкий запах тления хлынул со всех сторон, словно сеть, окутав его.

На белоснежном потолке мужчина, тоже полностью обнажённый, с красноватыми пятнами на теле, скривил лицо, уголки его губ застыли в неестественной, жёсткой улыбке — точно так, как и описывали очевидцы, будто их насильно растянули.

Синь Синь слегка пошевелил губами.

— Брат Хун...

От холода и страха его голос дрожал.

— Ну как? Удобно? — спросил Чжао Хунвэй с окаменевшей улыбкой. — Моё спальное место.

— Так удобно, что прямо умереть хочется.

Чжао Хунвэй: «...»

Состояние Чжао Хунвэя казалось куда ближе к «злобному призраку», чем в те несколько раз, когда Синь Синь сталкивался с ним ранее — и внешне, и по ощущениям. Вероятно, он отлично понимал, что Цяо Вэньгуан никак не связан с его гибелью, но он всё равно хотел, чтобы Цяо Вэньгуан умер здесь, так же, как и он сам.

В следующую же секунду после этой провокации Чжао Хунвэй возник прямо перед Синь Синем, пара над ним. При такой внезапной материализации в обычное время Синь Синь непременно бы вскрикнул, но сейчас он не мог издать ни звука, лишь зрачки его судорожно сузились и задрожали.

Его лицо уже не походило на человеческое, скорее на грубую керамическую маску, натянутую на человеческий череп, а трупные пятна беспорядочно усеивали поверхность кожи. Чжао Хунвэй разинул зияющую чёрную пасть и оттуда в лицо Синь Синю хлынула вонь морепродуктов, смешанная с запахом разложения.

— Больше всего я ненавижу таких болтунов, как ты.

Синь Синь криво усмехнулся. Он не знал, не замёрз ли он уже до окоченения, и лишь чувствовал, что даже движение глазных яблок даётся ему с трудом.

Он смотрел на разинутый рот Чжао Хунвэя. Язык того был тёмно-фиолетового оттенка, а с треснувшей пасти, казалось, вот-вот начнёт капать чёрная, вязкая жидкость.

— Брат Хун... — медленно проговорил Синь Синь, — у тебя... из носа кровь течёт...

Чжао Хунвэй уставился на Синь Синя глазами, испещрёнными кровавыми прожилками. — Врёшь. Я уже мёртв, откуда взяться крови?

Синь Синь словно не слыша его, продолжал говорить сам с собой:

— Ты пролежал в холодильнике сутки, и когда тебя вытащили, ты был уже сосулькой.

Воспоминания для Чжао Хунвэя стали уже лунным отражением в воде: видимым, но недостижимым. Стоило воде слегка колыхнуться — и память полностью искажалась.

Он помнил очень мало, и продолжал забывать. Он отчётливо чувствовал, как всё больше становится похожим на настоящих «живых мертвецов», словно ранее умерла лишь плоть, а теперь и его душа постепенно разрушалась...

Рассказ Синь Синя сковал его. Он не перебивал, замороженный тем мгновением из памяти, которое описывал Синь Синь, словно вновь вернувшись в тот момент.

— В тот день было очень жарко, солнце палило нещадно.

— Ты лежал там, и никто не решался к тебе прикоснуться.

Синь Синь прикрыл глаза, представляя ту картину, и себя одним из зевак, одновременно медленно описывая это Чжао Хунвэю.

В маленьком дворике лежало безобразно изуродованное тело. Люди, охваченные страхом, всё равно то и дело оборачивались посмотреть ещё раз. Никто не знал, сколько прошло — час или два.

Наконец, кто-то пришёл убрать тело, толпа уже начала расходиться, как вдруг кто-то в ужасе закричал:

— Кровь! У него кровь!

Из ноздрей потекла красно-чёрная кровь, окрашивая застывшие в улыбке губы.

Мертвец, из которого течёт кровь — жуткое зрелище, заставившее присутствующих в ужасе разбежаться. Они убедились, что столкнулись с паранормальным явлением.

Прямо как с крутящимся потолочным вентилятором в гостиной Сян Чэня.

Посредники кричали: «Призрак, это призрак явился!»

А на деле это были происки живого человека.

Мёртвые не истекают кровью.

Та кровь должна была вытечь из Чжао Хунвэя, когда он был ещё жив.

Просто по стечению обстоятельств она замёрзла.

И лишь когда тело вновь оказалось на солнце, кровь начала медленно оттаивать.

— Брат Хун, вспомни, — сказал Синь Синь, — не дал ли тебе кто-нибудь чего-нибудь съесть или выпить перед тем как ты отправился в холодную камеру?

Выражение лица Чжао Хунвэя стало отрешённым, в багровых глазах читалась растерянность. Чёрная жидкость во рту вот-вот должна была капнуть.

— Да...

Но в тот миг, когда он готов был начать говорить, его тёмно-фиолетовый язык внезапно вырвался изо рта. Длинный язык, словно клейкая лента, залепил ему рот. На лице Чжао Хунвэя отразилась мука, трупные пятна постепенно стали багровыми, словно он задыхался.

Он не мог сказать.

Синь Синь впился взглядом в искажённое ужасом лицо Чжао Хунвэя, и понял всё без слов.

Он решил, что пора просыпаться и вцепился пальцами в пол.

— Бам! —

С громким бабахом распахнулась дверь холодильной камеры.

Синь Синь услышал торопливые шаги.

Иллюзия рассеялась, пронизывающий холод и человеческое тепло почти одновременно обступили Синь Синя.

В груди вновь забилось сердце. Синь Синь тяжело выдохнул облачко пара. Он знал, что тепло и прикосновения, на которые он опирался, исходили от самого надёжного человека в этом мире, и потому спокойно придвинулся ближе к источнику тепла. Он услышал громкие, учащённые удары сердца, сливавшиеся в унисон с его собственным, поднял голову и, как и ожидал, встретился взглядом с тёмными глазами Хэ Синьчуаня.

— Брат, — с усилием скривил замёрзшие губы Синь Синь, — кажется, я понял, кто убил Чжао Хунвэя.

<http://bllate.org/book/12899/1133658>